
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

УДК 340.131.3

ПРОСТОЙ ЯЗЫК ПРАВА. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ, ОБЩИЕ ПОДХОДЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

А. С. ГРИЦЕНКО^{1), 2)}, А. В. АНТОНОВ^{3), 4)}

¹⁾Высшая школа экономики, ул. Промышленная, 17, 198099, г. Санкт-Петербург, Россия

²⁾Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
пр. Средний, 57, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

³⁾Конституционный Суд Российской Федерации,
Сенатская площадь, 1, 190000, г. Санкт-Петербург, Россия

⁴⁾Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская набережная, 7, корп. 9, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

Исследуется проблема разработки законопроектов, гражданско-правовых договоров и иных юридических документов с использованием простого языка. Это направление стало одним из новых трендов среди ученых и практиков. Авторы, ссылаясь на мнение экспертов, указывают, что за последние 5–10 лет качество правовых документов в России снизилось. Такая ситуация привела к интересу относительно того, какой должна быть формулировка закона,

Образец цитирования:

Гриценко АС, Антонов АВ. Простой язык права. Постановка проблемы, общие подходы и современные тенденции. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022;1:3–15.

For citation:

Gritsenko AS, Antonov AV. The plain language of law. Statement of the problem, general approaches and current trends. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022;1:3–15. Russian.

Авторы:

Анна Сергеевна Гриценко – кандидат юридических наук; старший преподаватель кафедры конституционного и административного права юридического факультета¹, доцент кафедры правоведения юридического факультета².

Алексей Владиславович Антонов – советник управления международных связей³, преподаватель кафедры конституционного права юридического факультета⁴.

Authors:

Anna S. Gritsenko, PhD (law); senior lecturer at the department of constitutional and administrative law, faculty of law^a, and associate professor at the department of jurisprudence, faculty of law^b.
gritsenko-as@yandex.ru

Alexey V. Antonov, counsellor at the department of international relations^c and lecturer at the department of constitutional law, faculty of law^d.
aleksey.antonov@ksrf.ru

чтобы она была ясна и понятна. Анализируется зарубежный опыт в данной сфере, а также новые тенденции, в том числе использование искусственного интеллекта и методов глубоких нейронных сетей в нормотворчестве.

Ключевые слова: простой язык; закон; подготовка нормативных актов; требование ясности и простоты; нормотворчество; машиночитаемое право.

THE PLAIN LANGUAGE OF LAW. STATEMENT OF THE PROBLEM, GENERAL APPROACHES AND CURRENT TRENDS

A. S. GRITSENKO^{a, b}, A. V. ANTONOV^{c, d}

^aHigher School of Economics,

17 Promyshlennaya Street, Saint Petersburg 198099, Russia

^bNorth-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
57 Srednii Avenue, Saint Petersburg 199178, Russia

^cConstitutional Court of the Russian Federation,

1 Senatskaya Square, Saint Petersburg 190000, Russia

^dSt Petersburg University, 7 Universitetskaya Embankment,
9 building, Saint Petersburg 199034, Russia

Corresponding author: A. V. Antonov (aleksey.antonov@ksrf.ru)

The article is devoted to the problem of drafting laws, contracts and other legal documents in plain language. This has become one of the new trends among scientists and practitioners. The authors, referring to the opinion of experts, indicate that over the past 5–10 years the quality of legal documents in Russia has decreased. This led to an interest in what the wording of the law should be in order for it to be clear and understandable. The article analyses foreign experience, as well as new trends, including the use of artificial intelligence and methods of deep neural networks in rule-making.

Keywords: plain language; law; preparation of regulations; requirement for clarity and simplicity; rule-making; machine-readable law.

Введение

Существуют ли способы упростить язык закона, сделать его более доступным и понятным? Нужно ли это делать? Хочется ответить утвердительно, но будет ли такой ответ верным и, главное, убедительным? В основе таких вопросов лежит стремление сделать закон более ясным, упростить его и тем самым сделать более доступным.

Простой язык – это стиль общения (его также называют информационным стилем), ориентированный на учет потребностей аудитории. При его использовании рекомендуется исключать ненужные слова и избегать жаргона, технических терминов, а также длинных и неоднозначных предложений. По сути, простой язык представляет собой юридически понятное, доступное и удобное в использовании правовое решение.

Предполагается, что разъяснение смысла отдельных положений закона и в целом упрощение юридического текста приведут к тому, что обычные граждане смогут понять, зачем нужна правовая система, уяснить ту обязанность, которую она на них возлагает. Помимо прочего, такое отношение к нормативному регулированию позволит «расширить диапазон субъектов, способных на пря-

мую взаимодействовать с законодательным процессом и его продуктами»¹ [1, р. 130]. Цель указанных действий – снизить количество правонарушений и ситуаций, возникающих из-за незнания или неправильного понимания законодательных предписаний [1, р. 130]. Кроме того, как утверждается, «чрезмерная сложность препятствует экономической деятельности, создавая препоны для частных лиц, предприятий и коллективов» [1, р. 138]. Такого мнения придерживаются, например, в США, где простой язык связывают с необходимостью защитить права потребителей, экономику и содействовать развитию конкуренции между предприятиями. Кроме того, сложность законов также затрудняет работу государства и подрывает принцип верховенства права.

Вместе с тем, казалось бы, благое стремление к юридической простоте, ясности и доступности иногда приводит к ряду противоречивых, а порой и парадоксальных результатов: упрощенные законы вместо того, чтобы в краткосрочной перспективе обеспечить улучшение жизни людей, вызывают еще больше сложностей в толковании и применении². Иначе говоря, какие бы благие цели не преследова-

¹Здесь и далее перевод наш. – А. Г., А. А.

²Забегая вперед, отметим, что это происходит, вероятнее всего, из-за банального упрощения сложной роли законодателя и законодательства или нежелания с этой ролью считаться.

лись, когда речь заходит об упрощении законодательства, остается неясным, являются ли «хорошие» (т. е. упрощенные, уточненные и доступные для массового понимания) законы более качественными и полезными, чем «плохие» (т. е. более сложные) законы? Но еще более интересным представляется вопрос о возможной разнице между «хорошим» и «плохим» законом лишь в том, что в процессе их реализации возникают иные «победители» и «проигравшие». В сущности, оба варианта представляют

собой тот же политический популизм, только изложенный другими словами.

Цель настоящей статьи не озвучить все социальные и юридические преимущества написания нормативных документов простым языком (по крайней мере, насущная надобность в этом понятна и без лишних размышлений), а, скорее, проанализировать трудности, с которыми могут столкнуться отечественные законодатель и правоприменители, когда решат перейти к этой практике.

Хороший закон – простой закон?

Потребность в упрощении юридических текстов. Юристов и составителей юридических документов часто обвиняют в том, что их деятельность сомнительна и чревата обманом. Язык закона с его формализмом, набором непонятных, а порой и пугающих слов иногда сравнивают с языком церковников или даже шаманов, настолько он в представлении людей полон загадок. Южноафриканский исследователь в области теории права профессор Б. Б. Бота пишет: «Мне иногда кажется, что появился своего рода иератический язык, благодаря которому священники соблюдают заповеди. Думается, что сегодняшний обычный гражданин, стоящий перед законом, – это тот же мирянин в средневековой церкви: в дальнем конце светятся огни, фигуры священников движутся туда-сюда, а на неизвестном языке читается проповедь о великой тайне добра и зла...» [2, р. 34]. Среди обывателей бытует мнение, что законодатели и юристы намеренно составляют столь неоднозначные и трудные для восприятия документы³, чтобы в последующем создать путаницу и иметь лазейки⁴. Очевидно, что если юридические документы ясны и понятны большинству, то необходимость в особых навыках чтения и дальнейшей юридической помощи существенно уменьшается. Почти все правовые системы развивались по одной схеме: юристы и другие составители соответствующих текстов использовали сложный профессиональный жаргон, чтобы обеспечить себя постоянным заработком, а на случай спора – альтернативным вариантом интерпретации [2, р. 37].

Необходимость сделать закон (как и иные юридические документы) более доступным и простым для понимания породила движение за простой язык права, по сути, стремящийся к тому, чтобы какое-либо юридическое решение стало более понятным, доступным и удобным в использовании. Такой подход в большей степени ориентирован на

повышение доступности нормативных актов, а также сокращение объемов самих текстов, поскольку его прочтение, осмысление и применение в упрощенном виде, как представляется, требует меньше времени и энергии.

Предполагается, что юридический документ, написанный на понятном языке, позволяет донести правовую информацию до получателей более эффективно, а сами участники лучше осведомлены о том, что от них ожидается⁵. Это вытекает из конституционных принципов, согласно которым за государством закрепляется общее обязательство создать такую среду, в которой люди могли бы не только знать свои права, но также иметь представление о том, как их защитить и обеспечить соблюдение.

По сути, текстуальная доступность является *prima facie* политической целью, и ее смысл заключается в том, что люди должны знать закон, который регламентирует их жизнь [3, р. 349]. Это логично и обоснованно, поскольку если законодательство не может четко и внятно объяснить, что такое права, тогда можно ли требовать их защиты от государства? Следует учитывать, что охраной прав занимаются не только юристы, но и, например, социальные работники, активисты, которые в состоянии представлять интересы отдельных общественных групп, но не имеют юридического образования. В то же время, если речь идет не о гражданах, а о хозяйствующих субъектах, упрощение нормативных актов, предположительно, повлечет сокращение экономических издержек – предприятия будут реже обращаться в арбитражные суды из-за непонимания участниками нормативного регулирования сложившейся ситуации.

Преимущества простого юридического языка.

На написание юридических документов оказывают влияние структурные, политические и исторические

³Юристы используют язык, который можно описать только как чуждый общественности, клиентам, образованным носителям языка. Как это ни парадоксально, этот язык чужд и самим юристам.

⁴С этим знакомы почти все практикующие юристы, консультирующие граждан. Одной из самых популярных просьб, с которой обращаются клиенты, является просьба разъяснить написанное. К слову, юристы, ругающие бюрократов за косноязычие, сами при этом выступают против упрощения языка нормативных актов, переживая, надо полагать, за свои доходы.

⁵Собственно, эффективное и четкое общение, возникшее под влиянием высокоскоростного широкополосного интернета, глобальной спутниковой и сотовой связи, направлено на то, чтобы облегчить взаимоотношения людей в таких сферах, как международные торговые соглашения, трансграничные финансовые обязательства, международное гуманитарное право и др.

контексты⁶, но, помимо этого, всегда существуют языковые трудности, которые необходимо учитывать при разработке правовых текстов.

Упрощение юридического языка направлено в первую очередь на создание законодательства и иных правовых документов, которые понятны условному читателю⁷. Это также означает, что документы должны быть удобными для чтения. Чтобы юридический текст действительно был простым, понятным и удобным, для начала приведем несколько общих требований, которые на первый взгляд могут показаться банальными и очевидными, но вместе с тем, как показывает практика, не всегда соблюдаются при написании документов.

Как правило, использование простого языка подразумевает выбор подходящих слов, определенную структуру предложений, порядок распределения информации в тексте, визуальную составляющую, которая позволяет сделать документ более привлекательным, и т. д. Так, следует начать со структуры документа: он должен быть разделен на главы, параграфы и не быть при этом громоздким. Главы должны иметь соответствующие заголовки и подзаголовки, а также быть пронумерованными. Следует с осторожностью использовать сложные или иностранные слова, а там, где они используются, необходимо дать пояснения в отдельных сносках или разделе «Основные понятия». Это касается и иностранных слов (аналоги которых отсутствуют в русском языке), получивших широкое распространение в других правовых системах⁸.

В зарубежных источниках выделяют несколько правил расположения норм в тексте закона:

- 1) декларация права должна предшествовать административным положениям;
- 2) более простые предложения должны предшествовать более сложным;
- 3) основные положения должны предшествовать подчиненным;
- 4) исключительные, временные и отменяющие положения должны описываться в отдельных нормах;

⁶Так, Конституция Российской Федерации еще до недавнего времени отличалась лаконичностью в формулировках. После реформы 2020 г. текст пополнился новыми громоздкими статьями, которые стилистически сильно отличаются от статей этого документа образца 1993 г. (например, ч. 3 ст. 77, ч. 5 ст. 78, ч. 2 ст. 81 и др.).

⁷Под словом «читатель» будем понимать всех, кто так или иначе будет знакомиться с текстом нормативного документа независимо от того, является он профессиональным юристом или нет.

⁸Сложность, однако, возникает в тех случаях, когда какое-то иностранное слово получило широкое распространение и отечественный законодатель использует его со значительным запозданием, как, например, это произошло с так называемыми фейковыми новостями (*fake news*). Данный термин вошел в правовые системы различных стран именно в виде англицизма (см.: *Helm R. K., Nasu H. Regulatory responses to «fake news» and freedom of expression: normative and empirical evaluation // Human Rights Law Rev. 2021. Vol. 21. P. 302–328 ; Baade B. Fake news and international law // The Europ. Journ. of Int. Law. 2018. Vol. 29. No. 4. P. 1357–1376 ; Osmundsen M., Bor A., Vahlstrup P. B., Bechmann A., Petersen M. B. Partisan polarisation is the primary psychological motivation behind political fake news sharing on Twitter // Am. Polital. Science Rev. 2021. Vol. 115. No. 3. P. 999–1015*). В отличие от иностранных коллег, российский законодатель не стал использовать данный термин в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), а определил данное явление как «заведомо недостоверная общественно значимая информация» (ст. 13.15 КоАП РФ). Вместе с тем на официальном сайте Государственной Думы Российской Федерации можно встретить такие слова, как «фейковые новости» и «фейки» (см.: Что такое фейковые новости и как за них будут наказывать [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/48121/> (дата обращения: 28.01.2022)).

⁹Например, новые положения ч. 2 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации звучат следующим образом: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство».

5) только в особых обстоятельствах процессуальные положения должны быть упомянуты в законе, который представляет собой материальное право [3, р. 351].

Тем не менее не существует идеального способа организовать положения закона. Расположение норм должно быть адаптировано в соответствии с требованиями каждого документа. Раздел в законодательстве может состоять из одного или нескольких предложений. Важно, чтобы структура этих предложений была ясна. Цель составления раздела – «изложить параметры правоотношений в максимально понятной форме». Читатель понимает закон через эти предложения, которые составляют раздел [3, р. 371].

Также отмечается, что основные вопросы должны быть изложены в начале, а основные принципы необходимо исследовать до того, как будут они конкретизированы [2, р. 37]. В совокупности эти простые и, казалось бы, всем известные требования позволяют сделать документы более доступными и понятными независимо от того, федеральный это закон или гражданско-правовой договор.

Также, например, права, полномочия и обязанности необходимо назвать отдельно в каждом предложении, а из сказанного должно быть очевидно, какие нормы на кого распространяются.

Надо полагать, что конечная цель законодателя при составлении документа – это баланс между простотой и точностью. И только когда точность не может быть достигнута при помощи общепринятых или базовых лингвистических выражений, допустимо использовать более художественные⁹ и технические цитаты. В конечном счете результат такой деятельности должен привести к тому, что между участниками правоотношений возникнут взаимопонимание и их общение будет плодотворным.

Кроме того, необходимо соблюдать осторожность и не использовать простой язык без точности. Каждый составитель должен стремиться к ясности, которая, надо полагать, подразумевает простоту и точность. Поэтому нужен компромисс между

этимися качествами в применении каких-либо терминов и использованием их простых аналогов¹⁰. Также важно обеспечить последовательность в изложении. Двусмысленность приводит к путанице, во избежание которой все субъекты, задействованные в реализации закона, должны быть четко определены. Само собой разумеется, что точность и четкость в общении возможны только тогда, когда адресант и адресат придают одинаковое значение содержанию. Такой подход часто отнимает много времени и требует терпения, умения и самоотдачи от законодателя¹¹.

Использование языка и, следовательно, издание на нем юридических документов – это социальная целенаправленная деятельность. Язык существует не просто для формулировки сообщения, но и для успешной передачи его другим. Нельзя сказать, что акт передачи информации действительно произошел, если сообщение не понято или понято частично. Следует исходить из того, что никакой закон не может выполнить задачу правового регулирования, если он непонятен. В этом смысле самый правиль-

ный вариант изложения текста нормативного акта тот, при котором возможно легко, без затруднений и путаницы понять его содержание. Это и есть не что иное, как простой язык, позволяющий передать сообщение в понятной форме, без канцеляризмов, штампов, сложных конструкций, оборотов и запутанной терминологии.

Вместе с тем ясности тоже бывает недостаточно. Необходимо, чтобы сами законодатели точно знали и понимали, чего они надеются достичь с помощью введения конкретной нормы. Поэтому целью простого юридического языка является не только обеспечение ясности письменных законодательных заявлений, но и достижение эффективности в их реализации. Если же цель размытая или между разработчиками нормы есть существенные разногласия, то цель правового регулирования не может быть достигнута. В конце концов, как можно требовать исполнения того, в чем ты сам до конца не уверен? Или можно задать вопрос иначе: нужно ли вообще регулировать то, в чем нет явной необходимости?

Как использовать простой язык при составлении юридических текстов?

В отношении простого языка законов сложилось несколько мифов.

Первый заключается в том, что простой язык права предполагает написание предложений лаконичными фразами. Однако писать нормы нужно не короткими предложениями, а «короткими смыслами», т. е. емкими структурированными порциями информации [4, р. 150]. Использование слишком длинных предложений, которые содержат много идей и громоздких фраз, куда разработчики законодательных текстов попытались втиснуть максимальное количество информации, приводит только к утрате основного смысла сказанного. Короткое, лишенное нагромождений предложение, в кото-

ром основная идея прослеживается с самого начала, считается хорошим законодательным решением [3, р. 371].

Второй миф о простом языке права состоит в том, что этот стиль подразумевает элементарный, даже обывательский, словарный запас, приводящий к неточностям в юридических документах. Однако простой язык, безусловно, способствует изменению текста нормативного акта путем избавления от архаичных и избыточных слов, но в большей степени он направлен на улучшение понимания смысла документа и не ограничивается введением только стилистических улучшений и словарного упрощения языка [3, р. 350].

Простой юридический язык – миф или реальность?

Как уже было сказано выше, применение принципов простого языка при разработке законодательных и других юридических документов является важным фактором в обеспечении большей доступности закона и эффективности юридического

общения. Очень важно донести правильное сообщение до всех сторон, вовлеченных в исполнение нормативного акта.

Несмотря на все кажущиеся преимущества использования простого языка при написании законов,

¹⁰В качестве примера можно взять Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Для чего законодатель употребил в качестве уточнения слово «отмывание», которое скорее является разговорным или даже жаргонизмом, остается неясным. С одной стороны, сразу становится понятно, о чем пойдет речь в законе, с другой – возникает предположение, что можно использовать жаргонизмы везде, чтобы быстрее доносить суть до читателя.

¹¹Все же надо признать, что законодателям приходится намного сложнее, нежели иным авторам. Первые служат многим людям. По той причине, что законы указывают людям, как себя вести, работа законодателей всегда чревата важными последствиями. Кроме того, им нередко приходится «обороняться» от лиц, жаждущих найти лазейки в нормативных актах. Например, применение налогового законодательства, которое само по себе у многих вызывает неприязнь, можно сравнить с осадой крепости. Законодателю каждый раз приходится отбиваться от «батальонов» юристов и бухгалтеров, которые исследуют закон на предмет пробелов и прочих лакун, пытаясь обнаружить его слабости, чтобы потом помочь своим клиентам уменьшить налоговые обязательства.

в действительности юристы по-прежнему относятся к нему скептически. Оппоненты утверждают, что юридический язык – это противоположность простого [3, р. 350]. На практике это означает, что эффективность документа в конечном счете будет зависеть от конкретной аудитории или целевой группы, на которую рассчитаны нормативные акты, а, следовательно, юридические или специальные технические термины переводить на простой язык не обязательно [2, р. 38]. Однако помимо определения надлежащего читателя юридических текстов, о котором речь пойдет далее, существуют другие причины, затрудняющие упрощение юридических текстов.

Противоборствующие взгляды. Первая проблема, с которой сталкиваются приверженцы идеи упрощения языка законов, – это различные взгляды на одни и те же социальные явления. Для понимания смысла той или иной нормы необходимо всегда учитывать контекст (условия), в котором эта норма создавалась, а именно дискурс вокруг нее. Согласно этой идее, любое общественное явление создается и видоизменяется при помощи социальной дискуссии, когда все участники нормотворческого процесса и специальные организации могут обозначить в системном дискурсе свою позицию по тому или иному вопросу.

Так, например, любая норма права, исходящая от парламента, прежде чем она получила свое законодательное оформление, была подвергнута обсуждению со стороны парламентариев (или, во всяком случае, это предполагается согласно установленной процедуре). Надо полагать, что данное разнообразие точек зрения является положительным явлением, поскольку только при таком подходе может присутствовать новизна и могут сосуществовать множественные интерпретирующие парадигмы¹². Путем столкновения различных точек зрения достигается определенный консенсус. Вместе с тем среди участников дискуссии всегда остаются те, кто пытался изложить законопроекты другими словами и лексическими конструкциями или как-то иначе донести свои мысли. При этом окончательный вариант нормы может совершенно не совпадать с тем, который продвигался первоначально. К тому же парламентарии – это лишь малая часть тех, кто принимает участие в обсуждении законопроекта, включая теоретиков науки и правоприменителей.

Далее необходимо сказать, что сложность написания юридических текстов состоит также в том, что сами социальные и политические отношения не

являются линейными, на них оказывают влияние огромное количество факторов, а между причинами и следствиями далеко не всегда возможно установить связь (если это, конечно, вообще возможно). В идеале от законодателя требуется кристально чистая рефлексия, т. е. осознание своих истинных мотивов и целей, а также умение гибко подходить к систематизации беспорядочных общественных отношений.

Помимо этого, существует проблема пределов человеческих знаний, особенно об обществе и его поведении. Такие ограничения возникают не только по причине плохой информированности государства о потребностях народа или отдельных социальных групп, но и в силу элементарной физиологической неспособности людей сохранять, анализировать и отражать столь большие объемы данных. Это, впрочем, не освобождает законодателей от ответственности за принятые решения, однако существенно затрудняет сам процесс создания норм. И все же надо признать, что с точки зрения сложности написания юридических документов юриспруденция куда больше искусство, чем наука [1, р. 134].

Предполагается, что во избежание ошибок и недоразумений любой законодатель должен принимать такие нормы, которые, с одной стороны, могли бы решать уже имеющиеся проблемы, с другой – быть относительно гибкими, чтобы охватывать максимальное количество непредвиденных обстоятельств. Сложность, однако, заключается в том, что политические игроки не могут полагаться исключительно на сведения, основанные на фактах, они должны постоянно адаптироваться к изменениям окружающей среды и принимать взвешенные решения, осознавая при этом, что конечная цель может быть не достигнута¹³. Это, в свою очередь, означает, что неудачи, кризисы и иная нестабильность не будут препятствовать реализации экспериментальных законодательных стратегий с высокой долей неопределенности и множественной интерпретацией.

Государствообразующий язык vs языки на родностей. Еще одна сложность, с которой могут столкнуться сторонники упрощения юридических текстов, – это многоязычность и мультикультурность населения. Такая проблема отчасти решается путем применения какого-то одного стандартизированного языка. Например, в странах Центральной и Южной Африки исторически получили распространение английский и французский языки, в КНР официально используется пекинский диалект, являющийся фонетической основой путун-

¹²Так, с точки зрения правового мышления позитивизм и естественное право, политический и юридический конституционализм, формальные и субстанциональные концепции, как, например, концепция верховенства права, взаимодействуют и соревнуются. Такие взаимодействия и конкуренция заставляют различные концепции адаптироваться друг к другу и искать новые пути развития.

¹³Это означает также, что субъекты нормотворческой деятельности признают свою ограниченность, когда речь заходит о количественных и качественных методологических научно обоснованных знаниях и их сбалансированности.

хуа – стандартного варианта китайского языка – и существующий в качестве официального в КНР, Сингапуре и на Тайване.

Вместе с тем на практике могут возникать недопонимания хотя бы в силу того, что для некоторой части населения государствообразующий язык не является родным, хоть и употребляется повсеместно. Поэтому, как представляется, многоязычные общества требуют более жесткой стандартизации языковой терминологии, включая различные языки коренных народов. На практике это означает, что только специалисты в своем языке смогут перевести юридические тексты на языки коренных народностей. Разумеется, общение в такой ситуации может затрудниться. Существует много причин, зачастую усложняющих перевод законов и других правовых документов (например, отсутствие терминологии в некоторых языках).

Общеизвестно, что культурные и языковые различия должны рассматриваться очень осторожно. Хотя, например, русский язык используется в качестве основного, документы, написанные на нем, не всегда возможно перевести на языки коренных народов. Составители должны быть полностью уверены в знании правил орфографии, неологизмов, используемых в обиходе или религиозных практиках, чтобы избежать коннотаций в словах или терминах,

которые потенциально могут быть оскорбительными. В связи с этим многоязычие и мультикультурализм иногда рассматриваются как блоки для достижения и продвижения простого языка в праве.

Проблема определения надлежащего читателя юридических текстов. Камнем преткновения сторонников и оппонентов идеи простого юридического языка является определение надлежащего читателя юридических текстов. На кого рассчитаны законы – на юристов, т. е. специалистов, имеющих подтвержденную квалификацию, или же на большинство взрослого дееспособного населения? Будет ли закон, написанный простым языком, гарантировать, что люди смогут понимать и применять его правильно? Означает ли это, что законотворческая формулировка, составленная на понятном языке, принесет больше пользы людям, чем ее привычный аналог? И вот как раз в этом кроется самая главная проблема: применение упрощенного закона с его простой структурой предложений и словарным запасом без жаргонизмов не гарантирует, что непрофессионал сможет в нем до конца разобраться. Собственно, критика упрощения текста юридических документов сводится к следующему: ложно полагать, что закон может говорить с кем-то напрямую, минуя «посредников», только за счет упрощения его языка [3, p. 350–351].

Зарубежный опыт

Как уже было указано в начале статьи, за рубежом этой проблеме уделяют большое внимание. В то время как в России только стали появляться исследования о понятности документов, исходящих от государственной власти [5], в Великобритании, США, Канаде, Австралии, Европейском союзе и, в частности, во Франции уже давно существуют две взаимосвязанные стратегии простого языка и хорошего права [1, p. 130].

Так, например, в Англии уже в XVI и XVII вв. Эдвард VI (1547–1553) и Яков I (1603–1625) выражали обеспокоенность по поводу юридической сложности королевских указов. Позже, в 1835 г., комиссары Ее Величества, специально назначенные для расследования в области закрепления статутного права в Англии, в своем докладе написали следующее: «Мы понимаем, что простое уничтожение всех таких актов, которые устарели и являются излишними, отказ от повторений и высвобождение от избытка слов, за которыми часто прячется закон, значительно уменьшат объем и, как следствие, сделают его более доступным и понятным для подданных Вашего Величества» [1, p. 137].

В XVIII в. президент США Т. Джефферсон оплакивал «многословие... бесконечные тавтологии... инволюции падежа и тезисы в скобках, которые сделали закон непонятным не только для простых читателей, но самих юристов» [1, p. 139]. В 1970 г. в США начали активно появляться инициативы по

«переводу» нормативных актов на понятный язык. Сама же идея стала воплощаться несколько позже: в 1978 г. был разработан так называемый проект дизайна нормативных актов, содержащий критерии оформления публичных документов. Его цель состояла в том, чтобы улучшить навыки письма и содействовать практическому применению различных нормативных актов. С 1990 г. в США началось активное упрощение законодательного языка. Несколько штатов утвердили правила, требующие, чтобы документы, исходящие от государства, были подготовлены простым языком. Дальнейшее развитие эта тенденция получила при президенте Б. Клинтоне, который своими указами 1993 и 1998 гг. поручил писать правительственные документы простым, понятным и доступным языком. В последующем, как отмечается, эту тенденцию подхватили местные администрации и частные юридические фирмы [2, p. 34].

В Канаде ввиду двуязычия, а также культурного и географического разнообразия (наличие нескольких языков, коренных народов, гражданские и общие правовые традиции, западно-колониальные перспективы, чрезвычайно плотно и, наоборот, малонаселенные местности, национальные, провинциальные и территориальные правовые системы) существует насущная потребность в ясности законодательства для обеспечения одинакового отношения ко всем гражданам Канады на федеральном

уровне, несмотря на местные традиции. Поэтому, по мнению канадцев, законодательный акт должен быть написан просто, четко и кратко, с необходимой степенью точности и по возможности обычным языком [1, p. 140].

В Австралии, как и в других странах, основная цель упрощения языка закона состоит в уменьшении его сложности. Вместе с тем Австралийское бюро Парламентского совета (*the Office of the Parliamentary Council*) в одном из своих докладов указало, что некоторая степень сложности в понимании законов все же неизбежна: «Нереально предполагать, что комплекс правоотношений в какой-либо предметной и политической области, регулируемой законодательством, может быть сведен к правилам, которые без труда могут быть поняты всей общественностью»¹⁴. Подход, предлагаемый в Австралии, акцентирует внимание не на краткости нормативного акта, а на размышлениях о том, какие инструменты могут быть использованы составителем, чтобы текст документа стал доступным для той аудитории, на которую он рассчитан, хотя и наблюдается некий реализм в оценке используемых для этого инструментов. В то же время австралийцы придерживаются мысли, что сложность закона можно контролировать [1, p. 130].

В ЕС существует так называемая программа эффективности, цель которой состоит в том, чтобы «сделать законодательство ЕС проще и понятнее»¹⁵. Как отмечается, в центре внимания этого документа находится защита интересов малых предприятий, которые могут серьезно пострадать от внедрения нормативных правил в ЕС. Деятельность в этой сфере в первую очередь ориентирована на сокращение объема законодательства посредством, например, кодификации и отмены повторяющихся актов [1, p. 141].

Кроме того, говоря о проблеме понятного языка закона, стоит упомянуть и проблему упрощения языка при правоприменении. В данном контексте интересным и показательным является пример Франции.

В этой стране в 2000-х гг. была проведена реформа, целью которой стало радикальное изменение административного языка, используемого в официальной переписке. «Между администрацией и пользователями больше нет неясных терминов или сложных фраз», – заявили 5 марта 2002 г. министр государственной службы и государственных реформ М. Сапен и министр культуры К. Таска¹⁶.

Правительство Франции, обнаружив, что «административный язык часто бывает сложным, слишком техническим, слишком юридическим»¹⁷, создало 2 июля 2001 г. Комитет по упрощению административного языка (*Le Comité d'Orientation pour la Simplification du Langage Administratif*, COSLA). В него вошли как представители административных органов, так и эксперты в области языка. COSLA отвечал за разработку конкретных предложений по улучшению качества административного языка и контроль за их реализацией правительством.

Итогом работы стали конкретные результаты в административной сфере и практические цели.

В 2002–2003 гг. были подготовлены новые формуляры следующих административных документов:

1) заявление на удостоверение личности и паспорт, на выдачу полиса медицинского страхования, на оформление пенсии;

2) заявление о принятии наследства, различные бланки отчетности для предприятий, заявление на получение минимального реабилитационного дохода.

Эти изменения затронули более 1 млн человек во Франции.

После этого COSLA подготовил еще ряд формуляров: заявку на стипендию в лицее, заявление на оказание медицинской помощи и др. В 2004 г. были пересмотрены формуляры заявки на получение лицензии на строительство, переработаны формуляры налога на жилье.

Всего за три года были пересмотрены и переработаны около 30 официальных формуляров. В ходе их редактирования были удалены и заменены непонятные термины, появились более простые формулировки, стал использоваться прямой стиль, исчезли неопределенные выражения, сократился список прилагаемых к заявлениям документов.

Комитет подготовил и распространил среди 10 000 французских чиновников, которые пишут электронные письма для пользователей, специальный текстовый редактор, призванный помочь им писать проще и понятнее, чтобы облегчить понимание адресатом.

Этот комплект, используемый до настоящего времени, состоит из трех практических инструментов: руководства по написанию административных тестов; сборника терминов, используемых в административной лексике (4000 основных терминов и выражений административного языка), разрабо-

¹⁴Reducing complexity in legislation [Electronic resource]. URL: <https://www.opc.gov.au/publications/opcs-guide-reducing-complexity-legislation> (date of access: 25.02.2022).

¹⁵REFIT – making EU law simpler, less costly and future proof [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/info/law/law-making-process/evaluating-and-improving-existing-laws/refit-making-eu-law-simpler-less-costly-and-future-proof_en (date of access: 25.01.2022).

¹⁶Encrevé P. La simplification du langage administratif COSLA [Ressource électronique]. URL: <https://www.lajauneetlarouge.com/wp-content/uploads/2012/10/595-page-011-014.pdf> (date de la demande: 25.01.2022).

¹⁷Éric Woerth lance le « Petit Décodeur », dictionnaire de 3000 mots de l'administration traduits en langage clair – 17/02/2005 [Ressource électronique]. URL: <https://www.fonction-publique.gouv.fr/ministre/presse/discours-38> (date de la demande: 25.01.2022).

таных на основе словаря *Le Robert*; программного обеспечения для поддержки административного на-

писания, сочетающего правила руководства и данные лексикона¹⁸.

Конституционные суды о ясности закона

Проблема ясности и простоты закона неоднократно становилась предметом рассмотрения органов конституционного контроля.

Например, Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) при рассмотрении дел о конституционности правовых актов¹⁹ выработал правовую позицию и неоднократно указывал, что «общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом, поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы»²⁰.

Конституционный Суд РФ последовательно высказал позицию, что неоднозначность, неясность и противоречивость регулирования недопустимы, поскольку, препятствуя надлежащему уяснению его содержания, открывают перед правоприменителем возможности неограниченного усмотрения, ослабляющего гарантии конституционных прав и свобод²¹. Между тем, как показывает конституционно-судебная практика по вопросам предпринимательской деятельности, неконституционность регулирования часто порождается неопределенностью содержания правовой нормы. Такого рода дефект, как избыточно широкое усмотрение в процессе правоприменения, законоположения, влечет нарушение не только принципов равенства и верховенства закона, но и гарантий государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов хозяйствующих субъектов²².

Неопределенность содержания правовой нормы, не будучи в состоянии обеспечить ее единообразное понимание, а значит и применение, ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод, может привести к нарушению принципов равенства и верховенства закона. Поэтому самого нарушения требования определенности правовой нормы, влекущего ее произвольное толкование правоприменителем, достаточно для признания такой нормы не соответствующей конституции.

Более того, Конституционный Суд РФ указал, что «...критерии ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе правового регулирования приобретают особую значимость применительно к уголовному законодательству, являющемуся по своей природе крайним, исключительным средством, с помощью которого государство реагирует на противоправное поведение в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом с помощью норм иной отраслевой принадлежности»²³, таким образом повторив свою правовую позицию, ранее выраженную в другом постановлении²⁴.

Если обращаться к зарубежному опыту, то, например, во Франции Конституционный совет Французской республики (далее – Совет) признал принцип ясности закона, вытекающий из ст. 34 конституции этого государства²⁵. Совет отличает данный принцип от «конституционной цели доступности и разборчивости закона», которую Совет вывел из ст. 4–6, 16 Декларации прав человека и гражданина 1789 г. (ее цель состоит в том, чтобы «защитить

¹⁸Communiqué de presse de Michel Sapin du 5 mars 2002 Comité de simplification du langage administratif [Ressource électronique]. URL: <https://www.fonction-publique.gouv.fr/ministre/presse/communiques-306> (date de la demande: 25.01.2022) ; Éric Woerth lance le «Petit Décodeur», dictionnaire de 3000 mots de l'administration traduits en langage clair [Ressource électronique]. URL: <https://www.fonction-publique.gouv.fr/ministre/presse/discours-38> (date de la demande: 25.01.2022).

¹⁹См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2003 г. № 16-П [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30382.pdf> (дата обращения: 25.01.2022) ; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2004 г. № 7-П [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30327.pdf> (дата обращения: 25.01.2022) ; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2005 г. № 10-П [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30293.pdf> (дата обращения: 25.01.2022) и др.

²⁰Методологические аспекты конституционного контроля : к 36-летию конституционного Суда Российской Федерации : информ. Конституц. Суда Рос. Федерации, одобр. 19 окт. 2021 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2022.

²¹См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июня 2015 г. № 12-П [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision197747.pdf> (дата обращения 25.01.2022) ; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июля 2017 г. № 22-П [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision281174.pdf> (дата обращения: 25.01.2022) и др.

²²См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 29-П [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision82836.pdf> (дата обращения: 25.01.2022).

²³Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июля 2020 г. № 38-П [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision481298.pdf> (дата обращения: 25.01.2022).

²⁴Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 г. № 8-П [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision19724.pdf> (дата обращения: 25.01.2022).

²⁵Décision n° 98-401 DC du 10 juin 1998, Loi d'orientation et d'incitation relative à la réduction du temps de travail cons. 10, n° 2001-455 DC, 12 janv. 2002, cons. 9 ; n° 2001-451 DC, 27 nov. 2001, cons. 13 ; n° 98-401 DC, 10 juin 1998, cons. 10 [Ressource électronique]. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decisions> (date de la demande: 25.01.2022).

субъектов права от толкования, противоречащего конституции, или от риска произвола, не возлагая на административные или юрисдикционные органы ответственность за установление правил, определение которых было возложено Конституцией только на закон»²⁶). При этом ясность и понятность представляют собой два отдельных понятия, которые различаются по своей основе и природе. Принцип ясности связан с компетенцией законодателя, при нарушении принципа понятности закон может быть ясным, но слишком непонятным. Ясность соответствует аспекту конкретизации правила, в то время как понятность относится

к удобочитаемости текста (доступность, связанная с возможностью физического поиска применимого права)²⁷.

Следует отметить, что и сам Совет предпринимает меры для упрощения языка своих решений. 10 мая 2016 г. был выпущен пресс-релиз от имени председателя органа Л. Фабиуса²⁸. В документе указывалось, что, начиная с решений Совета от 10 мая 2016 г. № 2016-539 QPC и № 2016-540 QPC, данный орган меняет стиль написания своих решений. В качестве причины этой модификации указано желание обеспечить упрощение языка, повысить понятность текста и углубить мотивацию решений.

Цифровая трансформация права и проблема простого языка

Современное общество живет в новой реальности, и пандемия COVID-19, начавшаяся в 2020 г., ускорила цифровую трансформацию. Коммерческие организации вынужденно переходят в онлайн, государственные услуги реализуются с помощью интернет-платформ.

Когда мы рассуждали о ясности и понятности закона, это касалось требований, сформулированных в XX и начале XXI в. В новой реальности складывается мнение, что правовая норма должна быть не просто понятно сформулирована, но и в доступной форме донесена до пользователя, «потому что право – это про человека»²⁹. Потребители (граждане) в настоящее время привыкают воспринимать информацию с экрана.

Вместе с тем часть экспертов высказывают мнение, что будущее коммуникаций, в том числе правовых, не за текстом (или не только за текстом). Люди общаются с помощью видеосвязи, подкастов и других способов, не имеющих отношения к тексту. Возможно, через 10 лет способ получения информации изменится кардинально: будет все меньше людей, способных читать и понимать прочитанный текст.

Проведенные представителями Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге исследования показывают, что определенный специалистами индекс синтаксической сложности нормативно-правовых актов (ИСЗ) самого простого закона составляет 16, самого сложного – 65. Усредненный индекс (для более чем 600 федеральных законов) в 2021 г. составил

40,1, при этом 87 законов «обгоняют» по сложности произведение И. Канта «Критика чистого разума», ИСЗ которого составляет 48³⁰.

В связи с этим возникает необходимость предусмотреть в цикле нормотворчества использование методов моделирования эффекта, а также проведения правовых экспериментов. Особое значение приобретает процедура мониторинга и оценки результатов уже принятых правовых требований.

Необходимо отметить интересное предложение по улучшению понимания текстов законов, высказанное О. Шепелевой: «Чтобы сделать право лучше, нужно обеспечить больший уровень участия граждан в процессе создания правовых норм. При подготовке нормативных актов очень важно доверие, а доверие формируется в том числе тогда, когда люди участвуют в создании правил. Есть исследования, согласно которым привлечение людей бизнеса к формулированию правил, связанных с налогообложением, приводит к тому, что они охотнее платят налоги. Если государство хочет, чтобы его законы лучше исполнялись, ему имеет смысл вовлекать бизнес в создание новых правовых норм»³¹.

Приведенное мнение представляется справедливым не только для норм, регулирующих налоги или отношения, складывающиеся в бизнесе, возможно, еще более важную роль оно играет при обсуждении проектов, затрагивающих права человека, т. е., согласно О. Шепелевой, нужно увеличить число участников и поменять процедуры. Эта работа уже

²⁶Flückiger A. Le principe de clarté de la loi ou l'ambiguïté d'un idéal [Ressource électronique]. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/nouveaux-cahiers-du-conseil-constitutionnel/le-principe-de-clarte-de-la-loi-ou-l-ambiguite-d-un-ideal#:~:text=En%20droit%20suisse%2C%20le%20principe,obligations%20dans%20le%20cas%20concret> (date de la demande: 25.01.2022).

²⁷Ibid.

²⁸Communiqué du Président du 10 mai 2016 [Ressource électronique]. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/actualites/communiquer/communiquer-du-president-du-10-mai-2016> (date de la demande: 25.01.2022).

²⁹Зубанова В. Законы для новой цифровой реальности. Право с человеческим лицом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4847792?query=цифровое%20правосудие> (дата обращения: 25.01.2022).

³⁰Российские законы по сложности сравнивались с трудами Канта [Электронный ресурс]. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2020/03/18/rossiyskie-zakony-po-slozhnosti-sravn> (дата обращения: 25.01.2022).

³¹Зубанова В. Законы для новой цифровой реальности...

ведется: создана платформа для общественного обсуждения проектов нормативных актов (*regulation.gov.ru*), существует институт оценки регуляторного воздействия и проводится мониторинг правоприменения.

Безусловно, существующий федеральный портал проектов нормативных правовых актов (официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения)³² играет важную роль, но он затрагивает проекты, подготовленные органами исполнительной власти. В то же время, например, предложение обсудить законопроект о профилактике семейно-бытового насилия в России появилось на сайте Совета Федерации и было реализовано в форме комментариев³³.

Одна из перспективных и активно продвигаемых технологических моделей, призванных определить границы использования инновационных технологий в юридической деятельности, – это использование машиночитаемых технологий.

Под машиночитаемыми технологиями в праве понимаются методы и инструменты, при использовании которых юридическая информация структурируется и переводится в считываемый компьютером формат для принятия решения. Согласно концепции, развитие машиночитаемого права в России должно привести к его преобладанию в законодательном массиве над нормами, изложенными на естественном языке, а также к созданию эффективных инструментов для непротиворечивого изложения правовых норм³⁴.

В 2021 г. Правительством Российской Федерации была утверждена Концепция развития технологий машиночитаемого права³⁵. В среде нормотворчества применение данной концепции предусматривает в том числе «автоматическое создание онтологии права из текстов нормативных актов с помощью искусственного интеллекта»³⁶.

Безусловно, авторы документа отдают себе отчет в том, что «такой метод позволяет быстро обработать большое количество данных, но результат обработки будет неточным и непредсказуемым, а также приводит к тиражированию однотипных ошибок. Кроме того, необходимо определить единый способ

внесения изменений в онтологию при изменении законодательства, судебной практики, доктрины или трактовки правовых норм уполномоченными лицами»³⁷.

Альтернативой этому может стать «ручное проектирование онтологии права из текстов нормативных актов. Работа специалистов по онтологическому проектированию повышает качество и предсказуемость результата, но может понизить скорость работы»³⁸.

Заслуживают детального анализа и изучения примеры, приведенные в рассматриваемой концепции. Так, в документе дается ссылка на опыт КНР, где в марте 2021 г. была принята дорожная карта по мероприятиям, необходимым для модернизации правовой системы к 2025 г. В частности, проектом подразумевается модернизация судебной системы посредством внедрения «умных судов». Примечателен также изученный опыт США, связанный с применением технологий искусственного интеллекта в целях выявления и устранения неактуальных и избыточных требований, содержащихся в нормативных актах Правительства США.

Российская концепция предусматривает, что в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» Министерством экономического развития Российской Федерации ведется работа по созданию федеральной государственной информационной системы «Национальная единая среда взаимодействия всех участников нормотворческого процесса при подготовке регуляторных решений» (далее – платформа «Нормотворчество»).

Авторами упомянутой концепции декларируется, что платформа «Нормотворчество» должна решить задачи оптимизации процесса разработки, согласования и утверждения проектов нормативных правовых актов, а также позволить различным органам власти вести совместную работу над проектами нормативных правовых актов. Разработка платформы «Нормотворчество» формирует технологическую основу и необходимую базу данных для последующего развития машиночитаемого права.

Безусловно, современные технологии позволяют проводить скоростной анализ законодательства и используют преимущества технологий машиночи-

³²Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/#> (дата обращения: 25.01.2022).

³³Что не так с публичным обсуждением законопроектов в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/12/12/818498-obsuzhdeniem-zakonoproektov> (дата обращения: 25.01.2022).

³⁴Рябов А. В. Цифровые помощники позволят сократить количество ошибок в работе адвокатов и судей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5049048?query=машиночитаемое%20право> (дата обращения: 25.01.2022).

³⁵Концепция развития технологий машиночитаемого права : утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности 15 сент. 2021 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2022.

³⁶Там же.

³⁷Там же.

³⁸Там же.

таемого права в сфере нормотворчества. К ним относятся, например, повышение скорости и качества нормотворчества.

Технологии машиночитаемого права, в частности, могут позволить регулятору быстрее реагировать и совершенствовать нормативную регламентацию своей отрасли за счет непрерывного мониторинга правоприменения. Так, это может осуществляться в ходе автоматического сбора информации о судебной практике и ее оценки по наиболее неоднозначным и оспариваемым в судебном порядке предметам спора, а также в ходе выявления наиболее распространенных нарушений в рамках проведения мероприятий по контрольно-надзорной деятельности.

Для решения подобной задачи, помимо применения технологий искусственного интеллекта и обработки естественного языка, представляется возможной разработка фильтров и правил, основанных на иерархии уже существующих нормативных правовых актов, их действия во времени и в пространстве. Создание такого инструмента планируется на втором этапе разработки платформы «Нормотворчество».

Отдельным важнейшим направлением в развитии машиночитаемого права является создание условий для публикации нормативных правовых актов, в том числе действующих редакций актов с учетом внесенных изменений, с машиночитаемой разметкой в целях их прочтения и корректной интерпретации без участия человека. Для реализации указанной возможности должны быть решены задачи по формированию машиночитаемых словарей правовых и технических терминов, а также по устранению административных барьеров для их использования.

Вместе с тем возникает вопрос о корректности больших данных, т. е. базы законодательства, которую будет использовать искусственный интеллект

при проведении анализа. С. Миролюбова, ссылаясь на исследование зарубежных авторов, указывает: «Многие системы искусственного интеллекта (ИИ), в том числе те, которые включают в себя контролируемые компоненты машинного обучения, для правильной работы полагаются на огромные объемы данных... и важно понимать, что «большие данные» (*BigData*) существенно влияют на поведение системы искусственного интеллекта. Например, если данные обучения смещены, т. е. не сбалансированы или недостаточно инклюзивны, система ИИ, обученная на таких данных, не сможет хорошо обобщать и, возможно, примет несправедливые решения, которые могут отдать предпочтение некоторым группам над другими или проявить предвзятость» [6, с. 34].

Применительно к нашему случаю использование искусственного интеллекта при подготовке и написании законов требует введения специальных алгоритмов упрощения языка с использованием, например, методов глубокого обучения, в том числе глубинных нейронных сетей³⁹. Можно предположить, что этот процесс способен затруднить проверку на непротиворечивость существующему законодательству.

В то время как составление черновиков простым языком, с одной стороны, увлекательно, с другой – оно вызывает беспокойство. Каковы будут последствия, если, например, сообщение о прямом общении ложно? Что, если составитель не сможет выполнить обещание сделать закон доступным для аудитории без посредничества? Не будет ли общественность введена в заблуждение дружелюбным тоном и полезными примерами составления закона простым языком?

Однако действительно ли нам нужно беспокоиться об этих вещах? Реально ли предположить, что представители общественности когда-либо станут читать законодательство даже в обстоятельствах, когда на карту поставлены их личные интересы?

Заключение

Из проведенного анализа видно, что несмотря на все достижения и популярность концепции простого языка права существует множество вполне обоснованных сомнений в том, что возможно сделать закон более доступным при его использовании правоприменителями. Это совершенно не значит, что составление правовых актов простым языком менее ценно или доставляет больше хлопот. Использование простого языка права почти наверняка облегчит чтение и применение законодательства.

Вероятно, это повысит точность восприятия и, как следствие, реализации предписаний на практике. Возможно, применение простого языка повысит эффективность и сократит административные расходы на государственный аппарат. Наконец, использование современных технологий позволит не только упростить поиск нормативной базы, но и принимать участие в разработке норм права как профессионалам, так и обычным гражданам, что может положительно сказаться на правоприменении в целом.

³⁹Resee H. Understanding the differences between AI, machine learning, and deep learning [Electronic resource]. URL: <https://www.techrepublic.com/article/understanding-the-differences-between-ai-machine-learning-and-deep-learning/> (date of access: 26.01.2022).

Библиографические ссылки

1. Webb TE, Geyer R. The drafters' dance: the complexity of drafting legislation and the limitations of «plain language» and «good law» initiatives. *Statute Law Review*. 2019;41(2):129–158. DOI: 10.1093/slr/hmz008.
2. Bekink B, Botha C. Aspects of legislative drafting: some South African realities (or plain language is not always plain sailing). *Statute Law Review*. 2007;28(1):34–67. DOI: 10.1093/slr/hml012.
3. Niharika B. Plain language drafting: a study of the laws of India (2009–2017). *Statute Law Review*. 2020;41(2):348–377. DOI: 10.1093/slr/hmy022.
4. Tanner E. Clear, simple, and precise legislative drafting: how does a European community directive fare? *Statute Law Review*. 2006;27(3):150–175. DOI: 10.1093/slr/hml007.
5. Кнутов АВ, Плаксин СМ, Григорьева НЛ, Синятуллин РХ, Успенская АМ, Чаплинский АВ. *Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2020. 312 с.
6. Миролюбова СЮ. Перспективы использования искусственного интеллекта в правосудии и вопросы правового регулирования в Российской Федерации. *Журнал конституционного правосудия*. 2019;5:30–38.

References

1. Webb TE, Geyer R. The drafters' dance: the complexity of drafting legislation and the limitations of «plain language» and «good law» initiatives. *Statute Law Review*. 2019;41(2):129–158. DOI: 10.1093/slr/hmz008.
2. Bekink B, Botha C. Aspects of legislative drafting: some South African realities (or plain language is not always plain sailing). *Statute Law Review*. 2007;28(1):34–67. DOI: 10.1093/slr/hml012.
3. Niharika B. Plain language drafting: a study of the laws of India (2009–2017). *Statute Law Review*. 2020; 41(2):348–377. DOI: 10.1093/slr/hmy022.
4. Tanner E. Clear, simple, and precise legislative drafting: how does a European community directive fare? *Statute Law Review*. 2006;27(3):150–175. DOI: 10.1093/slr/hml007.
5. Knutov AV, Plaksin SM, Grigor'eva NL, Sinyatullin RKh, Uspenskaya AM, Chaplinskii AV. *Slozhnost' rossiiskikh zakonov. Opyt sintaksicheskogo analiza* [The complexity of Russian laws. Syntactic analysis experience]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2020. 312 p. Russian.
6. Mirolyubova SYu. Prospects of the use of artificial intelligence in justice and the development of legal regulation in the Russian Federation. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*. 2019;5:30–38. Russian.

Статья поступила в редколлегию 08.02.2022.
Received by editorial board 08.02.2022.